

*Д.С. Дамте,
кафедра философии религии и религиоведения*

Типы свободомыслящих в литературе XIX века: религиоведческий анализ романа А. Доде «Евангелистка»

Замечательный французский писатель Альфонс Доде (1840—1897) прожил непростую жизнь. Он родился в семье фабриканта, учился сначала в церковной школе, а затем в Лионском лицее. В шестнадцать лет он вынужден был начать работать в должности учителя, поскольку его отец разорился и ответственность за жизнь семьи легла на плечи сына. Работа на первых порах давалась ему нелегко: сказывался недостаток опыта. В 1857 году будущий писатель переезжает вслед за своим братом в Париж, где начинает писать, интересуется литературой и театром. Он знакомится там с Э. Золя, Э. и Ж. Гонкурами и И.С. Тургеневым. Одним из первых произведений его был роман «Малыш» (1868) и «Письма с мельницы» (1869), в которых Доде, помимо прочего, затрагивает тему аморализма в среде духовенства (см.: «Три малые обедни», «Эликсир его преподобия отца Гоше»). Свое важнейшее и принесшее ему мировую славу произведение (где главного героя иногда сравнивают с Пантагрюэлем Рабле) — «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона» Доде создает в это же время, в 1869 году. Также известны такие его произведения, как роман «Сафо» (1884), «Письма к отсутствующему» (1871) и, конечно, одно из последних произведений писателя — роман «Евангелистка» (1883)¹, о котором здесь и пойдет речь.

Внешне сюжет этого произведения прост: девушка — Элина Эспен — постепенно попадает под влияние фанатически настроенной евангелистки Жанны Отман (Шатлюс) и покидает свою мать, бросая работу и порывая всякие отношения со своими знакомыми. Как отмечал сам Доде, сюжет этот взят из жизни. Он брал уроки немецкого языка, и его преподавательница рассказала ему историю, произошедшую с ее дочерью в возрасте двадцати лет: именно эти события Доде положил в основу

¹ На русском языке: *Доде А. Евангелистка*. М., 1913; *Доде А. Евангелистка // Доде А. Собр. соч.*: в 7 т. Т. 6. М., 1965.

своего романа. Его интересуют такие случаи еще и потому, что тогда во французской психологической литературе постоянно анализировались гипнотическое внушение, помешательства на религиозной почве, поэтому не случаен тот факт, что он посвятил свой роман знаменитому Шарко, с которым был знаком. При внешней простоте сюжета писателю удалось раскрыть трагедию, к которой может привести фанатизм и нетерпимость. Именно против них и направлен этот роман.

В начале романа Доде рисует нам жизнь семьи — матери и дочери Эспен — до катастрофы. Они живут небогато, но зато мирно и спокойно. Дочь (Элина) дает уроки иностранных языков детям, работать с которыми она очень любит. Мать занимается домашним хозяйством и принимает гостей. Они всячески стараются помочь своим соседям по фамилии Лори, которые были бедны из-за того, что главу семейства уволили с высокооплачиваемой должности супрефекта, и теперь он работал переписчиком пьес и водевилей, которых в Париже в те времена писалось множество. Кроме того, недавно умерла жена Лори, и теперь за детьми фактически некому было присматривать, кроме грубой няньки Сильваниры, которая, разумеется, не могла дать им должного воспитания и внушала детям всякие небылицы. Элина решила исправить положение дел и взялась за воспитание девочки Фанни (ее старший брат Мори готовился стать моряком), которую она полюбила всем сердцем и которая, почувствовав заботу и внимание, настолько привязалась к ней, что даже стала звать ее «мамой». Элина обучила ее разным языкам и наукам, помогала ей правильно подобрать наряд, старалась научить правилам хорошего тона. Помогла она и Лори устроиться на работу в более высокой должности. Частенько домой к Эспен заходил пастор Бирк — протестант, у которого, по словам Доде, не было иной цели, кроме как «подцепить в современном Вавилоне невесту с богатым приданым»¹. Таков первый встречающийся нам в книге персонаж, имеющий непосредственное отношение к религии.

Сама Элина также была отнюдь не равнодушна к религии. В ней, как мы это позже увидим, имелась некоторая наклонность, некоторая симпатия к религии, которая позже приведет ее к трагедии, однако сначала она не была чересчур явной; девушка играла на органе в церкви и постоянно участвовала в спорах с бывшей монахиней (которая теперь никак не может устроиться в этой жизни, не может «стать практичной», как она сама выражалась), яркой католичкой Генриеттой Брис, отстаивая при этом позиции протестантизма. Так, в одном из споров Элина прямо выступила против католического монашества.

Мать ее, госпожа Эспен, была равнодушна к спорам, и однажды, после того, как их посетила Анна де Бейль, посланница Жанны Отман (которая написала некоторые работы и желала, чтобы Элина их перевела), упрекнувшая их в равнодушии к Богу, она сказала так: «...Разве было у меня время ходить в церковь? Пусть бы попробовала эта святоша де Бейль остаться одна с ребенком, старушкой матерью на руках! Мне приходилось бегать по урокам с раннего утра и до поздней ночи во всякую погоду, по

¹ Доде А. Евангелистка // Доде А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М., 1965. С. 293.

всему Парижу. Вечером я с ног валилась от усталости, у меня не было сил ни думать, ни молиться. Разве заботы о семье не благочестие своего рода, разве это не угодно Богу..?»¹

Эти тексты, переводы которых заказала Жанна Отман и о которых мы сейчас сказали, поначалу показались Элине вздором, ибо в них акцентировалась заложенная в Евангелии мысль о том, что не надо любить никого, кроме Христа. Эта мысль доводилась до абсурда, а, кроме того, утверждалось, что смеяться и веселиться грешно. Конечно, жизнелюбивая и человеколюбивая девушка, какой тогда была Элина, не могла принять таких рассуждений. Но она все же завершила свой перевод и понесла его в особняк Отманов.

Здесь Доде рисует нам образ самой Жанны Отман, фанатичной, холодной, проницательной, расчетливой женщины, которая вступила в брак только для того, чтобы иметь деньги для реализации своей давней мечты — распространения евангелического учения по всей земле. Для этого она, еще учась в пансионе, привлекла на свою сторону некоторых девушек, в том числе и родственницу Отманов, через которую она связалась с ними и вскоре вышла замуж за банкира. После смерти его матери она прибрала все их хозяйство к рукам, мужа подчинила себе и начала делать то, что ей хотелось.

Она «обратила» в протестантизм всех крестьян вокруг своего имения. Почему слово «обратила» мы поставили в кавычки? Потому что многих из них она просто приманила подарками и деньгами. Она не давала им покоя и постоянными проповедями, слежкой и насилием сумела добиться того, что никто не смел восставать против ее власти и авторитета. При этом все свои действия — и это очень интересно — она подкрепляла цитатами из Священного Писания, которое теперь могла толковать только она. Об атмосфере лицемерия, которая сложилась вокруг нее, Доде писал: «...Жители Пти-Пора — отъявленные лицемеры и пройдохи: зная, что за ними следят, они отлично умеют строить постные лица, сокрушаться о первородном грехе и пересыпать свою деревенскую речь цитатами из Библии.

Ох уж эта Библия!..

Вся округа пропитана библейским духом, стены сочатся святостью. Фронтон церкви, фасады школ, лавки всех поставщиков замка увешаны благочестивыми изречениями. Над вывеской мясника написано крупными черными буквами: «Умри здесь, чтобы ожить там», а в бакалейной лавочке красуется надпись: «Возлюбите то, что превыше всего». Как раз превыше всего, на верхних полках, стоят вишневые и сливовые наливки. Однако жители поселка не решаются покупать их из боязни попасться на глаза Анне де Бейль или ее тайным шпионам...»² Из этого отрывка становится ясно, что Доде критически относился к такого рода лицемерию и выступал против наигранной и показушной религиозности, за которой не стоит никакого глубокого чувства, а есть только тонкий расчет.

¹ Доде А. Евангелистка // Доде А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М., 1965. С. 304.

² Там же. С. 341.

Писатель стремится показать жертв этой религиозной тирании: Ватсон, которую принудили к исповеди и насильно обратили, воспользовавшись ее тяжелым положением, девицу Дамур, которая после очередного посещения замка Отманов не вернулась домой. Все они попали под влияние евангелистки. Исповедь Ватсон, насильно вырванная у нее, и слова Отман, произнесенные ей при их первой встрече и наводящие на размышления, загипнотизировали Элину Эспен. Она словно стала сама не своя. Она больше не может понять окружающих ее людей, ей не интересны их проблемы, она равнодушна к детям. Она почувствовала внутреннюю пустоту и направила все свои силы на постижение религии. Брошюры Жанны Отман больше не казались ей столь абсурдными. Она согласилась работать в Пор-Сovere, в евангелической школе Отман. Даже Лори, который мечтал о том, чтобы жениться на ней, и которому она отвечала взаимностью, и его дети оказались ей теперь не нужны. Элина решила: они могут жить вместе лишь на том условии, что и он, и его дети примут евангелическую веру. Теперь она открыто заявляет: «Нет ничего на свете выше религии!»¹ Она все же попала в сети, она не может сопротивляться тонкому влиянию г-жи Отман, как не могли ей сопротивляться и те работницы, которые вынуждены бросать свои семьи, чтобы отправляться проповедовать Евангелие в другие страны. Жанна Отман умела добиваться того, чего хотела. Невозможно теперь добиться справедливости, невозможно вернуть похищенную дочь, ибо Отманы влиятельны и богаты и все попытки действовать против них обречены на провал. Что же делать бедной матери, трагедию которой так живо описал Доде? Ее последней надеждой стало выступление их давнего друга, знаменитого проповедника Оссандона (пример не фанатичного, но разумного и честного верующего человека). Но даже эта, без сомнения, сильная проповедь и отказ в причастии нисколько не помогают и не смиряют Жанну — она по-прежнему уверена в своей правоте. Дело кончилось тем, что его убрали с поста, и он вновь вынужден был начинать сначала восхождение на вершину, которое он уже проделал, когда был молод.

А Элина больше уже никогда не сможет стать близкой своей матери, такой, какой она была раньше. Она отвечала на все ее призывы к возвращению холодно и в своих письмах говорила только о спасении души. Доде писал: «Трудно себе представить что-либо более странное, чем тот эпистолярный диалог, этот контраст между проповеднической методистской фразеологией и живыми человеческими словами: тут вели разговор земля и небо, но они были слишком разобщены и не понимали друг друга, все чувствительные струны были порваны и дрожали в пустоте»². Даже на время вернувшись к матери, она была от нее бесконечно далека, а, когда она вновь ушла, мать поняла: дочери у нее больше нет. Эта великая трагедия заканчивается именно так: «Больше они не виделись... Ни разу в жизни»³. Их разлучило то, что якобы должно соединять, — религия.

¹ Доде А. Евангелистка // Доде А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М., 1965. С. 369.

² Там же. С. 429.

³ Там же. С. 469.

Что же хотел сказать Доде своим произведением? Как можно подойти к нему с точки зрения истории свободомыслия?

Нам думается, что в этом романе нашли свое отражение переход от религиозного индифферентизма (обе Эспен в начале романа) с присущей ему терпимостью, гуманизмом и радостным ощущением жизни к фанатической вере с мощной эмоциональной составляющей, нетерпимостью и, как особенно подчеркивает Доде, с присущим ей антигуманизмом (изменение, произошедшее с Элиной Эспен).

В романе есть образ неверующего: им был художник и мастер проносить надгробные речи Маньябос, у которого госпожа Эспен жила, когда ей стали угрожать помещением в сумасшедший дом. Сам Доде устами Генриетты Брис описывает его как человека большого ума, имеющего несомненные способности. Позже мы понимаем, что этот человек всегда готов прийти на помощь, может радоваться жизни. Он тоже любит спорить, и Доде описывает его милые и занимательные споры с Генриеттой так: «С наступлением сумерек возвращалась Генриетта Брис, а иногда и Маньябос, если была срочная работа и не было какого-нибудь собрания.... Толстяк усаживался возле жены, и они вместе раскрашивали фигурки; волосы его лоснились от помады, черная-пречерная борода стелилась по длинной серой блузе, и он набирался истинно жреческого величия — ни дать ни взять поп. Но при всей своей торжественности и важности Маньябос был не прочь пошутить. «Поди-ка сюда, приятель, сейчас я налеплю тебе венчик!» — обращался он к какому-нибудь епископу, снабженному посохом, и с комически важным видом ставил его перед собой. Эта неизменная шутка вызвала неизменный взрыв хохота у его жены и неизменный возглас Генриетты: «Ах, господин Маньябос!..» И тут загорался спор.

Глубокий бас надгробного оратора и тоненький задиристый голосок бывшей послушницы то усиливались, то затихали, то прерывали друг друга. Из высоких окон мастерской, обращенных на людную улицу..., летели слова: «Вечность... Материя... Суеверие... Сенсуализм...» — и в тоне споривших слышались протяжные нотки напыщенной проповеди. Оба — и безбожник и верующая — прибегали к одному и тому же словарю, оба цитировали Отцов церкви и энциклопедию. Однако Маньябос не выходил из себя, как Генриетта. Он торжественно отрицал бытие Божие, не переставая покрывать охрой бороду св. Иосифа или косы св. Перпетуи...»¹

В своем романе Доде показал и циников. К таковым можно отнести, прежде всего, отрока Николая, живущего в Пор-Совере при общине дам-евангелисток. Он показан как бывший заключенный, теперь якобы исправившийся и очень умело переходящий от ругани к цитатам из Библии. Для него характерны малодушие и агрессивность, озлобленность на представителей другого вероисповедания, вызванная скорее тем, что ему очень хорошо жилось под началом Жанны Отман, нежели глубокой веры.

Есть здесь и люди, безразличные к религии на протяжении всего романа: Ромен и Сальванира, слуги в семействе Лори, которые, будучи

¹ Доде А. Евангелистка // Доде А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М., 1965. С. 453—454.

выходцами из народа, не имеют позиции по религиозным вопросам и не понимают, как можно сделать что-то, а уж тем более, кому-то причинить вред на почве религии. Они поглощены мирскими заботами — свадьбой, тем, как они будут жить вместе, хлопотами по хозяйству. Сам Лори также не проявляет никакой склонности к религии до тех пор, пока его «ново-обращенная» возлюбленная (вследствие негативного влияния со стороны ее соратниц по обители) не поставила перед ним в качестве условия принятия евангелической веры. Он ее принял (при участии Оссандона), но от этого не стал глубоко религиозным, по-прежнему оставаясь простым чиновником.

Можно сказать, подводя небольшой итог, что в этом произведении А. Доде стремится показать нам пагубные последствия фанатизма. Кроме того, он подчеркивает, что как верующий человек, так и атеист может быть моральным или аморальным. Причем в представлении Доде религия чаще приводит человека именно к нетерпимости и нарушению его внутреннего покоя, тогда как атеист или человек, никак не проявляющий себя в религиозной сфере, совершенно спокоен, никого не стремится ущемить, не преследует тех, кто их критикует. Для Доде также важно, что религиозные убеждения, которые ничем не сдерживаются, фанатизм приводят к разрушению нормальных человеческих отношений и семейных ценностей. Именно с этой целью писатель вводит в роман семью Лори, которое также становится жертвой этой религиозной тирании. Таким образом, подчеркивается еще и тот факт, что фанатик причиняет страдание не только самому близкому человеку (например, матери), но стремится (или у него это происходит произвольно, как нечто само собой разумеющееся) сделать больно всем тем, кто его окружает, если они не принадлежат к исповедуемой им вере. Он замкнут, его действия носят антиобщественный характер. Он никак не может любить другого человека. А ведь это именно то, чего требует от верующего христианская религия.

В своем произведении Доде предстает перед нами как подлинный гуманист и реалист, умеющий работать с материалом, который доставляет ему жизнь. Об этом известный советский литературовед А. Пузиков в своем труде писал: «Доде не был «доктором социальных наук», как называл себя Бальзак, не был ученым-экспериментатором, каким хотел себя видеть в литературе Эмиль Золя. ... Доде — наблюдатель частного, но чутье подлинного реалиста не раз выводило его на дорогу больших обобщений. Об ограниченности творческих задач, которые ставил перед собой писатель, хорошо сказал его младший современник Гюисманс: «Золя видит действительность в телескоп, Доде — в микроскоп, один воспроизводит ее в увеличенном, другой в уменьшенном виде». И все же Доде в чем-то дополняет таких гигантов, как Бальзак, Флобер, Золя. У него была своя манера видеть мир, подкупающий лиризм, неподражаемый, единственный в своем роде юмор. Творчество Доде — еще одно свидетельство безграничных возможностей реализма¹. Указанные черты в их своеобразном преломлении мы могли видеть и в этом романе.

¹ Пузиков А. Портреты французских писателей. М., 1967. С. 224—225.